

Игорь Северский

84/2Рос=Рус)6
к С 28

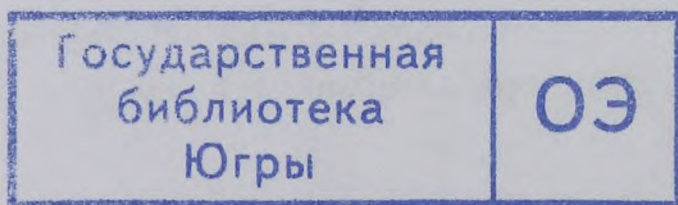
ИГОРЬ СЕВЕРСКИЙ

14918

Игорь Северский

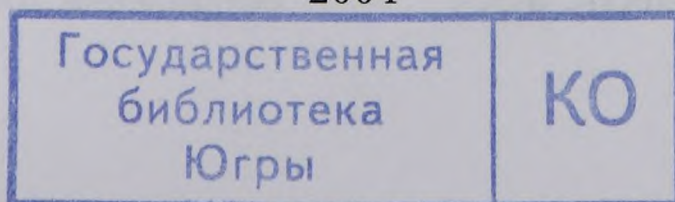
ФРЕСКИ

(Стихи и миниатюры)

-084980-

Ханты-Мансийск
2004

ББК 84(2 Рос = Рус)6-5

С 28

Северский И.

С 28 **Фрески:** Стихи и миниатюры. –
Ханты-Мансийск: ГП «Полиграфист»,
2004. – 106 с.

Автор выражает глубокую благодар-
ность спонсору за помощь в издании этой
книги.

ISBN 5-89846-362-3

© Кириллов И., 2004
© ГП «Полиграфист»,
оформление, 2004

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

Кемберском
реке при освоении
среднего течения,
повышается.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

(поэма)

Как ты и я,
Он долго жил в Сибири.
Он слишком много пил
И мало спал.

Никто нам не расскажет
В целом мире,
Какие клады здесь он
Откопал.

А про себя рассказывал он сказки
И проповедовал
Суровый аскетизм.

Под добродушно-ласковой
Маской
Скрывал он свой тяжелый
Эгоизм.

Он нес в народ,
Но тот его не понял,
Тогда с тоски
Понес он на народ.
Надеялся – таким его запомнят,

А получилось все наоборот.
И продолжал
Рассказывать он сказки,
И проповедовать

Суровый аскетизм,
Но под привычно-ласковою
Маской
Все тот же был
Тяжелый эгоизм.
И вот финал:
Алкоголизм и сырость.
Такое вот нелепое «кино».

И прах надежд,
И нашей жизни низость.
Большой подвал
И старое трюмо.

Так кто ж он был?
Понятно – неудачник.
Мечтал о чем-то,
Что-то сочинял.

Он пропадал,
Зимою жил на дачах.
Кого-то он любил,
Страдал, мечтал.

О чем мечтал?
Представить это трудно.
Все очень зыбко.
Дымка, легкий флёр.

И вот затих – навеки,
Беспробудно.
Неисправимый плут и фантазёр.
Что он оставил нам?

Привет прощальный –
Кипу
Исписанных, исчерканных
Листов.

Вчитаемся:

«Печально шепчут липы
Простую песню из неясных слов».

Вчитаемся:

«Опять зовет дорога,
В ней версты сшиты
На живую нить.
Опять зовут рассветы-недотроги.
И хочется искать, любить, творить».

Вчитаемся:

«Исполним долг последний,
И пусть не по заслугам эта честь».

Вчитаемся:

«Ведь есть такое мнение,
Что жизнь прожить –
Не рукопись прочесть».

Из осиротевшей рукописи

Молитва

Не дай, Господь,
Смешать вино с вином.
Хоть за вино
Вином ты причащаешь.

Мы истину находим
В нем одном.
Но Ты, Господь, суров,
Ты не прощаешь.
О, как жесток
Твой вечный метроном.
Как холодно Ты нас
Оповещаешь.
О выстраданном, суетном, земном.

И пить вино при этом
Поощряешь.
Не дай, Господь, смешать
Вину с вином.
Вины своей вином нам не испить,
Не утолить греховности познания.
А за грехи приходится платить.
Платить и пить,
Пить и опять платить –
Стезя земного вечного страдания,
Души бессмертной
Рвущаяся нить.

Мы тщимся нить как душу сохранить.
Так смертник ждет желанного исхода,
Так раненый в бреду
Беззвучно просит пить,

И красота
Последнего восхода
Безумно заставляет жизнь любить.

Вина Вийона? Горький смех Рабле?
Об этом можно очень долго спорить...
От пиршества мы движемся к петле.
Хохочем, чтобы скрыть гримасу боли.

Над чем смеяться днем всегда найдем.
А по ночам рыдаем еле слышно.
Мы движемся сквозь хмурый строй веков,
Сюжет сей, к сожалению, не нов,
Он вызывает скуку и одышку.

Но всякий раз
Тот беспощадный смех
На пепелище веру
Возрождает.
И нас, в далекий
Путь благословляя,
Даруют истину одну,
Одну на всех.

«Грядущую спасаем красоту.
Так на груди солдат спасает знамя.
Блудницы свято верят в чистоту,
А мы в свое высокое призванье.

Мудрец так презирает суету,
Так на ветру в ладонях прячут пламя.
Его проносим мы сквозь темноту,
Сквозь толщу поражений и страданий.

Мы корку истины всегда грызем тайком,
А глупости пирог на всех поделим.
Что тут поделатъ? Наш удел таков.
Мы терпим и молчим, молчим и верим».

Готов к отплытию «Корабль дураков».
Мы прячем сокровенное в кубышку,
Колпак шута нам тяжелей оков.
О мука – хохотать без передышки.

Но есть на этой горестной земле
Вийона правда, строгий суд Рабле.

От автора:

Вот так.
Не больше и не меньше.
Презрев комфорт, чураясь женщин,
Герой указывает путь?
Да прямо в суть.
Не как-нибудь.
А мы с тобой его жалеем.
Но получается на деле,
Что это он мудрее нас.

А вот еще его рассказ,
Записанный при лампе тусклой.
Он не весёлый и не грустный.
Дитя летящего пера.
«Сибирь, бессонница, жара...»

Сибирь. Бессонница. Жара.
Орущий рой кровососущих.
Ночь коротка.
Рассвет бегущий
Погасит отблески костра.
Июль – блаженная пора.
Вершина года – царь природы.
Но вдруг вуаль подернет воду.
На миг. С рассвета до утра.
На миг.
И снова буйство лета.
Но тут
Невидимым стилетом
Пронзит изящный ветерок.
То дождь падет
Внезапный, зябкий,
То у брезентовой палатки
Вдруг станет пузыриться
Бок.
Ага,
Уж август на порог.

И сразу станет все
Иначе.
Дожди прольются.
И заплачут
Густые тучные луга.
И первые взойдут стога.
Роса на травах потускнеет.
Лист на березах пожелтеет
И мелко, мелко задрожит.
В чащобах филин заблажит.
Заухает, запричитает.
Чудес, однако, не бывает.
И август мирно догорит.
И отойдет.
И обретет сентябрь богатое наследство
Лишь для того, чтоб с легким сердцем
Его безбожно промотать,
Оставив октябрю немного.
А тот, святая недотрога,
Барчук, остывшая зола
Сметет со скудного стола
В ладони ноября лишь крохи.
Здесь можно ахать,
Можно охать.
Но нищим первую зарю
Встречать придется декабрю.

Увы, декабрь рождается нищим.
Возможно, кто-нибудь отыщет
В том некой высшей правды свет,
Но логики тут явно нет.

Есть то, что все зовут судьбою.
Она ведет нас за собою –
Тех, кто родился в декабре.
Все было: и мороз, и снег.

И вьюга бешено крутила,
Надсадно и протяжно выла
Она в озябших жерлах труб.
В свой незатейливый тулуп
Земля привычно одевалась.
А что еще ей оставалось?
Спокойно ночи коротать,
Лелеять лепесток надежды
И знать, что будет все, как прежде.
Лишь надо научиться ждать.

От автора:

Ждать – это хитрая наука.
Порой не то, что детям, внукам
Её не можем преподать.
Свои мозги другим не вставишь,
Но ничего здесь не поправишь,

Так что не стоит горевать.
Зато не смогут перенять
Те, из грядущих поколений,
Ни нашей глупости, ни лени.

Но продолжаем мы листать
Одну страницу за другою.
Лишила рукопись покоя.
И не даёт всю ночь уснуть.
Горит в полнеба Млечный Путь.
Точь-в-точь так было той зимою,
Когда с мятежною душою
Не смог герой наш совладать.
Наверно, он устал встречать
Пустые серые рассветы.
И произнес:
«Себе и свету я что-то должен
Доказать!»
Неважно что.
Решил бежать
Прочь от родимого порога.
И вот – железная дорога,
И поезда недолго ждать.
Продолжим рукопись листать.

Из осиротевшей рукописи

...И быстрые шаги мои
Легли на полотно перрона.
Как одинокая ворона
С забора я взлетел...
 Ни зги – от перегона к перегону.
 Тепло плацкартного вагона.
 Усталость.
 Первый робкий сон,
Но сон за ним придет глубокий.
Уединенность верхней полки,
Заиндевшее окно,
Что до весны закрыто прочно.
 Внизу сосед во сне бормочет.
 А что?
 Не все ли нам равно.
 И было утро.
Как всегда,
Свершая утренний обряд,
В вагоне мылись, брились, ели.
Знакомились.
 В окно глазели.
 Играли в карты.
 Я читал.
 Никто мне сильно не мешал.
Внизу господствовала лень.
Просили чаю тут и там.

Шел проводник,
Его степенность
Была под стать его летам.
 И нес он чай –
 Легко и быстро.
 О подстаканник серебристый
 Слегка позвякивал стакан.
За чаем, да ещё в дороге,
Вязался разговор:
О Боге.
О ценах, что, увы, растут.
 О том, каков лентяй и плут
 Стал человек.
 Что он не глуп,
 Но жизнь играет с ним в «орлянку».
От полустанка к полустанку
Судьбы моей
Ложился путь.
И что в дороге не услышишь?
 Все б записать.
 Да как запишешь?
 Лишь только вытацишь блокнот,
 Как мигом закрывают рот.
И что-то злобное во взгляде.
Наверно, оттого, что знают:
«Мысль изреченная есть ложь».
И тут уж их не проведешь.

Здесь люди раскрывают душу.
Охота слушать – сядь да слушай.
А ты их души да в блокнот,
Блокнот в карман.

И вот в кармане любовь чужая.

Боль и раны.

Чужое счастье.

Смех и слёзы.

Здесь все – поэзия и проза.

Все, чем у нас душа полна.

Душа жива, пока вольна,

И умирает по карманам.

Допили чай и по стаканам

Разлили красное вино.

Садилось солнце.

А в окно стучался луч его последний.

И разговор моих соседей

Стал понемногу затихать.

«Всё б записать, всё б записать».

Настойчиво в мозгах стучало.

От автора:

Не правда ли –

Как все знакомо?

Вот так когда-нибудь

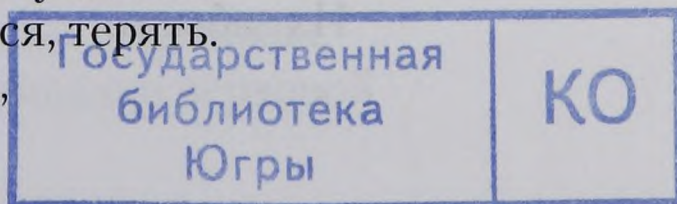
Из дома

Всем доводилось уезжать.

Искать, надеяться, терять.

Слать переводы,

Телеграммы.

- 084980 -

И ждать письма.
Письма от мамы.
Здесь ни добавить, ни отнять.

Всем нам знакома эта повесть.
И был у каждого свой поезд.
Чужой заплеванный перрон.
И постовой – седой и хмурый,
Ведущий летопись свою.
И бесприютные фигуры,
Бредущие навстречу дню.
И знали множество историй,
И мы,
И те, кто рядом был.
Одни я просто позабыл,
А эта не дает покоя.

Город

Город оделил людей работой.
Каждому по ломтю с каравая.
Нашим домом, хлебом и заботой
Северная стала буровая.
Мы сшивались долго, тяжело.
Кто не приживался, уходили.
Их не вспоминали.
Их забыли.

Быстро, основательно и зло.
Вспоминались голодно и трудно
Дом, любимые,
Кипение садов.
 Улицы родимых городов.
 Всё глушилось пьянством
 беспробудным...
 Помогло ли?
 Нет, не помогло.
Наш бессменный мастер
Матом русским
С хрустом изгонял из нас похмелье.
И сменялась утром
 Накипь грусти
 Озорным отчаянным весельем.
 Было всяко.
 Рокот первых вахт.
Бешеных часов ревуций ритм,
Пот в глазах, а иней на бровях
Буду помнить,
Сколько буду жить.
 Как в треклятый каторжный мороз
 Лопнул трос и накренилась вышка.
 Был аврал.
 Партком чинил разнос,
Важная срывалась передвижка.
Как помбур с площадки верховой

На ремне спускался по растяжке,
Как летели трубы на забой...

Вспоминать и то такое тяжко.

Но не только это помним мы.

Помним мы и радостные дни.

Память непременно сохранит

Нашей дружбы северной гранит.

И фонтанов мощное рычанье.

Кладовых подземных тишину

Мы взрывали,

Чтоб земным дыханьем

Отогреть продрогшую страну.

Это было больше,

Чем открытие,

Радости прозрения хлебнув,

Шли мы после вахты –

Все великие!

Подняв головы

И плечи развернув.

Шли мы после вахты, а потом

Каждый шёл уже

Своим путём.

Стал бессменный мастер депутатом,

Растолстел, купил на юге дом.

Верховой был даже «под судом».

А потом известным стал магнатом,
Бизнесом владеет нефтяным.
Но приехал, свиделись и с ним.
Скорбный случай вместе нас собрал.
Лампа тусклая, трюмо, полуподвал.
Рукопись. И лист её последний.

Из осиротевшей рукописи (лист последний)

Живешь, как малину воруюшь.
И сладко, а все не твое.
Гуляешь, бузишь, озоруешь.
Такое житье-питие.
 Что пропито – то не воротишь.
 Короткий и грустный рассказ.
 А ты все торчишь в подворотне,
 И слух напрягаешь, и глаз.
Что будет – того не минуешь.
Иного, увы, не найдешь.
И будто в отместку целуешь
Другую.
 Кому же ты лжешь?
 Ну что же? Все верно и точно.
 И точку поставит беда.
 Допишешь последнюю строчку.

А прочее все – ерунда.
В наряде суровом и строгом
Уйдешь без тревог и страстей.
Туда, где ни чувства, ни долга,
Где нет ни гостей, ни вестей.
Все будет светло и сурово.
Под шелест вселенских часов
Твое неразменное слово
Застынет на чаше весов.
Всевышний слегка улыбнется
Под взмах удивленный бровей,
Когда эта чаша прогнется
Под тяжестью ноши своей.

«ВДРУГ МЕНЯ ПОМАНИЛИ...»

* * *

Я вернусь,
Прилечу посредине
Суровой жестокой зимы.
Будет стыть подо льдом
Речка дивная с именем Ивдель.
Будут что-то ворчать о любви
Кедрачи-молчуны,
И ты выйдешь,
Встречать меня поутру выйдешь.
Будет стать твоя литься
Как воск в серебре,
Будет простынь белее
Январского снега.
Будет в доме покой,
Будет хлеб на столе.
И зарей золотой расплескается нега.
Утону, пропаду
В мятных кольцах льняных.
Задохнусь от негромкого первого стога.
Будет день бесконечен,
А вечер печален и тих.
И от счастья всплакнет
На иконе мадонна.

Ты лампаду засветишь –
Пройдешь босиком.
По дубовым доскам пробегут твои ноги.
Встанет солнце,
И я не уйду с рюкзаком
По заснеженной и бесконечной дороге.

Таежная баллада

Завтра будет погода что надо!
И за нами пришлют вертолет.
А пока – над тайгой канонада,
Лупим птицу болотную влёт...
По закрутке осталось на брата
Да десяток ржаных сухарей.
У костра мы молчим виновато,
Поедая убитых гусей.
Хруст костей – занимается вечер.
Сытный дух над молчащей тайгой.
Мы живем ожиданием встречи.
Догорает закат над рекой.
Завтра будут и баня, и бабы.
Бесшабашье. Загул удалой...
Отчего же глаза у прораба
Беспредельной залиты тоской?
Все уйдем – кто в семью, кто в работу.
В мелочевку и быт непростой.
Будут ночью нам сниться болота,
Сытный вечер, степенный покой.
Если где-то в бетонных чащобах
Точку резко поставит судьба –
Белым светом мятежных сугробов
Нам мигнет голубая звезда.

Босая баллада

Босиком по воде,
По земле,
По траве...
По опавшей листве,
По ребячьей судьбе.
По болотам,
За ягодой...
По камышам
Пробегают погодки –
Три крепыша.
А потом – в том далеком
Сорок втором –
Их по снегу вели
На расстрел –
Босиком.

* * *

Птица ль с криком легла на крыло...
Дождь во мрак ли вползает тревожно.
В каждом звуке я слышу одно:
«Полюбить этот край – тяжело,
Разлюбить этот край – невозможно».
Полюбить этот край тяжело –
Двое суток идем бездорожьем,
Забивает глаза комарье,
Только все, что прошел – то мое!
Разлюбить этот край – невозможно.
Пусть беда постучится в окно,
Пусть судьба ухмыльнется острожно.
Но со мною – как знаменье мое:
«Полюбить этот край – тяжело,
Разлюбить этот край – невозможно».

ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО...

*(Моим землякам -
генетически ссыльным, посвящается)*

Ваше сиятельство, милая пани.
Ночь за окном воет зверем стреноженным.
Глухо звенит кандалами, штыками...
Милая пани, чем вы встревожены?
Сани несутся – тугие, упругие.
У седоков отрешенные лица.
Лошади в мыле. Храпят под подпругами.
Что вы, графиня?
Что вам не спится?
Вам померещилось...
В зареве душном
Рубятся всадники, рушатся конники.
Холод безмолвия выстудил душу,
Ногти вонзились в эмаль подоконника.
Нужно ли вам это, нежная пани?
Темень пронизывать взором отчаянным.
Вам вечера коротать бы с гостями
За разговорами, бриджем и чаем...
Выживет в сечи, выпадет каторга –
Так уж судьбою ему уготовано –
Жизнь свою
Верстами мерить этапными
Да заслужить лишь забвенье потомков...

Ваше сиятельство...
Не отвечает,
Шубу накинув на девичьи плечи,
Не повернув головы на прощанье,
Сходит с крыльца, и берет ее Вечность.
Время течет над местами острожными,
Но не сминаемое веками:
«Ваше сиятельство, чем вы встревожены,
Чем вы встревожены, милая пани?»

(Н. Р.)

Ночь-воровка нас бросила в бездну,
Наши души смешав и тела.
Все вокруг растворилось, исчезло.
Серый пепел – немая зола.
Но едва зацепился за крышу
Луч – посланник грядущего дня,
От тебя я впервые услышал:
«Все ты врешь, ты не любишь меня».

День был ярким, томительным, жарким.
Изумрудно блестела трава.
Мы гуляли в реликтовом парке,
Ты твердила: «Права я, права...»
Дни тянулись, а годы мелькали...
И желанием страстным маня,
Губы милой как прежде шептали:
«Все ты врешь, ты не любишь меня».

Чередую восторг и усталость,
Суждено нам по жизни идти.
И осталась лишь самая малость –
Старость – грустный отрезок пути.
Нам в затылки натруженно дышит
Торжество ледяного огня.
Ну а я? Я по-прежнему слышу:
«Все ты врешь – ты не любишь меня».

Ветер сшил

Вольный перевод с татарского

Ветер сшил для поля саван,
Горький саван расставанья.
Дождь в окно мое стучится.
На дорогах – хохот бури.
Ты, которая и солнцем для меня была,
И летом.
Ты ушла.
Так покидают птицы – лес,
Листва – деревья.
Ты ушла –
Переломились крылья пламенного сердца.
Не догнать теперь тебя мне,
Тяжела дорога к лету.
Видно, зимовать придется
С одиночеством и болью.
Лед твоих следов остывших
Я душою соскребаю.
Хоть для этого пригодны
Мои сломанные крылья.
Ветер сшил для поля саван –
Горький саван расставанья.

(Из Булата Сулейманова)

Любить тебя...

Любить тебя – Господь не приведи...
Уж лучше на унылые галеры.
Весло и цепи не лишают веры
И даль морскую видишь впереди.
Забуть тебя – Господь не приведи,
Уж лучше на унылые галеры.
Весло и цепи не лишают веры,
И даль морскую видишь впереди.

Любой предмет достоин глубины

Любой предмет достоин глубины.
Лишь гранью познается многогранник.
Лишь в странствиях отыскивает странник
Следы свои и робкий блеск луны.
Ничтожен червь,
И мерзостны лгуны.
Но ведь любой из них – судьбы избранник.
Дворцом прекрасным делает предбанник
Тот, кто дарует сладостные сны.
Мы забавляемся – беспечны и вольны.
А над планетой простирает длани
Тот, кто шутя вращает многогранник,
Тот, кто нашел все то, что ищет странник,
И перед кем мы мелкие лгуны.

Театр

Ваш выход, Принц.
Но занавес оборван.
Уснул суфлер,
И в ложах суета.
Подмости ждут
В презрении покорном
Ваш выход после
Реплики шута.
Шут надоел,
И в тягостной истоме,
Застыл партер
И жаждет перемен.
Так женщина
Под нелюбимым стонет.
Миг предвкушенья
Сладостных измен.
Ваш выход, Принц.
Дай Бог вам
Быть любимым.
Талант, поверьте,
Вянет без любви.
На толщину лет
Ложатся слоем пыли
Шипящие, безрадостные дни.
Но тонкий луч,
Пронзительный слепящий,

Вас вырвет из безвестности и тьмы.
И вот вы – Принц.
И канул город спящий,
Укутанный в тяжелые дымы.
Что наша жизнь?
Лишь хрупкие подмости.
Пыль всех надежд
И всех иллюзий прах.
Ступайте, Принц!
Я знаю – все непросто.
И Вас гнетут сомнения и страх.
Но жребий брошен,
Занавес оборван,
Парит клинком
Звонящий монолог.
А за кулисами, в смирении покорном,
Рыдает шут, и он от слез промок.

Дворник

Ветер доносит
Терпкий и сладостный запах
Тленья.
Тленья того, что мы звать привыкали
Нетленным.
Ветер уносит, уносит как желтые листья
На запад
Обожествление наше
И оупение.
Коркой сухою
Шуршат по асфальту догматы.
Дворник их в кучу сметает,
Готовит к сожжению.
Рыбным скелетом
Торчат сиротливо цитаты.
Из венценосных трактатов
И стихотворений.
Сумрак сгущается.
Холодно.
Двор заустелый.
Дворник усталый стоит,
На метлу опираясь.
Много работы.
И с долгою завистью белой
Дворник глядит на огонь
И зовет к себе старость.

Творчество

Под строгую сень тополей
Ложатся прохладные тени.
Так горькое эхо сомнений
Ложится на лист без полей.
Несмело выводит рука
Начало неведомой сказки,
Где юность живет без опаски
И стынет любовь старика.
Скрипит под нажимом перо,
Роняя чернильные брызги.
В них зябнут неясные жизни,
Как в пашне весною зерно.
В окно чьи-то судьбы стучат,
Слегка задевая за ставни.
Быть может, то вечер поставил
На день огневую печать.
А может быть, просто трещат
Сухие поленья в печурке
А может, тревожно и чутко
Под крышею голуби спят.
Как сладостен призрачный миг,
Когда из остывшего пепла
Из кляксы, оброненной кем-то,
Рождается яростный мир.

В толпе одинаковых дней
Спасают от гибельной лени
Прохладные длинные тени,
Что лягут однажды в смирении
Под стройную сень тополей.

Ночная тревога

Ночь взорвана,
Броском рассечена.
Как булка хлеба черного разломлена.
Все побоку – что прожито и пройдено.
В судьбе зияет рваная дыра.
Зияет в небе черная дыра.
Была звезда и вот ее не стало.
Теперь – ты приложение к уставу
И жить тебе, возможно, до утра.
Что ж? До утра, так значит до утра.
Ты остальных не лучше и не хуже.
Мощь сочетания мужчина и оружие
Измерено лишь тяжестью утрат.
Измерена лишь горечью утрат
Испепеляющая горечь поражений.
Но ты в строю, и нет иных решений.
Сам черт тебе не сват, да и не брат.
Да, ты солдат и за тобой страна,
Она зачахнет без твоей отваги.
Хмельным азартом выброженной браги
Ночь взорвана – броском рассечена.
Ночь взорвана – броском рассечена.
За мной пыхтит надежда человечества.
Нет, нет – не будет мертвых,
Покалеченных.
Все впереди – беда, вина, война.

Конец сезона

Хранили кедрь сдержанную мудрость.
Похрустывала пальцами осина.
И сохраняли зимнюю упругость
Бесчисленные поймы и трясины.
Тайга была обширна и доступна.
Помалкивали ели домовито.
Но март уже капелями отстукивал,
И наст ломал сохатому копыта.
Азартно лупят ружья за рекой
По глухарям,
А те пьяны любовью.
Пожухлый снег окрашивался кровью,
И слизывали псы ее гурьбой.
Есть у весны к опасности презренье.
Но подозренье – вид прозрения особый.
И сетовал уже на невезенье
Облаянный и выслеженный соболь.
Кликушествует рьяно воронье –
Деревья подло предали зверье.
И молодая стельная лосиха
Поймала пулю – рикошетом.
От осины.
Так продолжалось около недели.
Затем хвосты у белок порыжели,
И промышлять их стало не резон.
Закончился охотничий сезон.

Березы в снегу

Вдруг меня поманили
Березы в снегу
И лопатистый кедр, отливающий синью.
И почувствовал я, что без них не смогу,
От того и уехал на Север России.
Где-то степи остались
В зазывном цвету.
В озорных переливах,
Гортанных и гордых.
И оставил я ту,
Ту, которую очень люблю,
Чтобы строить лобастый
И кряжистый город.
Чтоб себя самого
Испытать на излом.
Ведь от этого люди
Становятся крепче.
И увидеть, как в домнах
Полярных ветров
Отливают мужские упрямые плечи.
Вдруг меня поманили
Березы в снегу.
Край далекий, зовущий
Померяться силой.
И почувствовал я —
Без него не смогу.
Оттого и уехал
На Север России.

Песня

Прощай, угрюмая страна.
Страна запоя и простуды.
Забудут наши имена,
Забудут наши имена.
И лица наши позабудут.
Забудут то, чем жили мы.
И тех, кого мы так любили.
Мы все, увы, обречены,
Мы все, увы, обречены
На то, чтоб нас перезабыли.
Уйдем мы в сумрачный закат.
В глухом безмолвии растаем.
И наш испытанный вожак,
И наш испытанный вожак
Нас уведет, как волчью стаю.

Безветренно, морозно, тишина

Безветренно, морозно, тишина.
Туман на снег ложится пеленою.
Над крышами дымок.
А под трубою
Дрова в печи трещат, и печь красна.
Простое и уютное жильё.
Здесь пахнет хлебом, тмином и сосною.
Здесь все давно течет само собою.
Никто не помнит – кем заведено.
Здесь каждому отмерено свое.
Доволен всяк собою и судьбою.
Здесь все давно течет само собой,
Никто не помнит - кем заведено.
Я постучусь в заветное окно.
Хозяева меня конечно впустят.
Я встречу утро новое без грусти.
Никто не помнит – кем заведено.
Здесь каждый новый гость,
Как Новый год.
А Новый год встречают хлебом-солью.
Поделишься здесь радостью и болью.
Никто не помнит – кем заведено.
И будет дальше путнику легко.
Дорога в радость, а удача – рядом.
Здесь провожают только добрым взглядом.
Никто не помнит – кем заведено.

Люди любят ночами...

Люди любят ночами,
Днем живут мелочами.
День обычно у них
Начинается с чая.
Люди любят ночами.
Днем же люди скучают.
День обычно у них
Продолжается щами.
Их разбудят ночами
Вековые печали.
Вечерами же люди
Предаются отчаянью.
День прошел, не вернешь...
Он уже за плечами.
Люди любят ночами.

«СТРАНА ИРОНИЯ»

Мы...

Мы дикий и дерзкий
Свободный народ,
И участь соседей плачевна.
Но в бездну бросает
И в бой нас ведет
Загадка Большого кочевья.
Мы бродим по свету
Безумной ордой,
Ни сердцу, ни мыслям
Не внемля.
Но правит нелепою
Нашей судьбой,
Мерцает над нашей
Шальной головой
Загадка Большого кочевья.
И в знойной степи, и на Млечном Пути,
В застенках седого поверья
Смиренно мы будем по жизни нести
Загадку Большого кочевья.
Нам снова с рассветом коней поднимать,
Сворачивать скарб и палатки,
Пока не сподобит Господь разгадать
Большого кочевья загадки...
А будет так день
Или будет так век,
А может быть, тысячелетие...

Но будет смиренно идти человек
Под стрелы, под пули,
Под плети...
Судьба.
И не знаем ответов иных.
А есть ли иные ответы?
Рассвет занимается,
Гомон затих.
В ковыльных вершинах
Льняных и седых
Купается северный ветер.

Идиллия

Я здесь зализываю раны—
Огромный злобный старый пес.
Меня немного удивляет
Тоской подернутый покос.
Меня негромко умиляют
Тугие сочные луга.
Щенячью радость возвращают
К весне взопревшие стога.
Я здесь нашел
Все то, что прежде
Так безнадежно я искал...
Оскал любви,
Оскал надежды,
Свободы сумрачный оскал.

Страна

Когда ворует вся страна,
Когда страна ворует,
То неэтично всю страну
За это укорять.
Кто не успел – тот опоздал,
Тот пусть сидит-горюет
И говорит о воровстве –
Всех обвиняя в том.
А в это время
Эти все
Упорно, неустанно
Несут и тащат на себе
Огромную страну.
Они бы рады растащить
Ее в свои подвалы.
Они бы рады запереть
Свою страну в сундук.
Но только эти, кто несет
Леса, поля, увалы,
Дороги, села, города...
Они и есть – страна.

Явка с повинной

Когда с повинною страна
В милицию явилась,
То непростительно страну
Сей час же не простить.
Да, воровала, да пила...
А кто, скажи на милость,
За это целую страну
Способен посадить?
Ну, ошибалась,
Ну, порой дерзила не по делу.
А только запросто могла
И шар земной спалить.
Но ведь покаялась она.
Конец же беспределу.
Так что милиция должна
Свою страну простить.

* * *

Эта бойкая девчонка
Под короткою юбчонкой
Из-под майки – сок.
Косо стриженная челка,
То ли ангел, то ли телка –
Взгляд наискосок.
Зайчик солнечный на стенке
Эти круглые коленки –
Глаз не оторвать.
День к исходу,
И лавчонку,
Где работает девчонка,
Впору закрывать.

Бабье лето

Подоспели тепло и грибы,
Бабье лето в реке молодится.
То ли вдовушка,
То ли девица –
Ты попробуй, поди – разбери.
Ты рискни-ка, попробуй,
Узнай,
Где заветное зелье
Хранится,
Что всегда подсыпают
Жар-птицы
В полуночный малиновый чай.
Лист малины
Да зелья щепоть,
Что всегда за божницей хранится.
Дело к ночи,
И речь молодницы
Медом огненным
Вязко течет.

Я хотел бы тебя лепить...

Я хотел бы тебя лепить...
По субботам ходили бы в баню,
А по осени – за грибами.
Немудреная жизни нить.
Ночью стал бы тебя любить.
Вся распаренная, нагая,
Ребра мне сжимая ногами,
Ты б мою усмиряла прыть.
Я потом бы не смог говорить,
Тяжело поднимая веки.
Бормотал, что я твой навеки.
И в истоме просил бы пить.
Но земная теряется нить,
И за вечной невидимой прялкой
Уж иная сидит весталка
И о чем-то своем твердит.
Не о том она говорит.
И отлично все понимая,
Я киваю и ей внимаю,
А нутро все огнем горит.
Месяц косо глядит в окно,
Ровным все заливая светом.
Бабье лето уходит в Лету.
Но теперь уже все равно.

И стараюсь я все забыть,
А в углу засыхает глина.
О мечты и надежды благие,
Вам недолго осталось жить.
Я хотел бы тебя лепить.

* * *

Ребятам из Моссада
Совсем немного надо.
Щепотку самосада
Да горсть родной земли.
Они бы были рады
Иной какой награде,
Но так у них в Моссаде
Однажды завели.
И как-то раз в засаде,
В районе зоосада,
Ребята из Моссада
Свой выполняли долг.
А в это время рядом,
Вихляя тощим задом,
Бродил со злобным взглядом
Голодный старый волк.
Он был не просто старым,
А злобным и поджарым.
Бродил в тоске по саду
И знал в засадах толк.
Подкрался тихо, сзади
К ребятам из Моссада.
И в собственной засаде
Залег. И там продрог.
И так они сидели
И тупо в ночь глядели

Ребята из Моссада
И одинокий волк.
Но наступило утро,
Блестя перламутром,
И в сторону Бейрута
Прошел гвардейский полк.
Приказом по Моссаду
Была снята засада.
Ребятам тем в награду
Раздали самосад.
А волк, вихляя задом,
Поплелся к зоосаду.
А зоосад, понятно,
Конечно, не Моссад.
А как ему хотелось!
Ведь он сидел в засаде.
И заслужил, конечно,
Не просто горсть земли.
Он заслужил, конечно,
Щепотку самосада.
Но табачка в Моссаде
Ему не припасли.

Подражание Григорию Остеру

Если ты нашел случайно
Килограмма три тротила,
Заверни их аккуратно
В целлофановый пакет.
А потом пакет с запиской
Брось кому-нибудь в окошко.
Напиши в записке этой:
«С Новым годом!
Дед Мороз».

* * *

В белопенной седой стороне,
Где утесы сменяются плесом,
Где ледовая дерзость торосов
Вызов вешней бросает волне,
К половодью,
К высокой воде
От тоски загибаются души.
И предчувствие
Мрачных удуший
Нас тревожит
В предутренней мгле.
Ни пути, ни просвета
Не видно.
И как будто сквозь пальцы песок
Протекает судьба.
И обида острым клювом
Стучится в висок.
Память наша, как старая рана,
Заунывно, протяжно скулит.
И хрипчатый гудок каравана
Разобьется о скальный гранит.
И о чем-то далеком
Напомнит
В белопенной седой стороне
Этот хриплый гудок парохода,

Долетевший по вешней волне.
Мы с тобой,
Словно стылые птицы,
Вдруг попробуем стать на крыло.
И презрев рубежи и границы,
Мы рванемся туда, где тепло.
Разминувшись с гусиною
Стаей,
Мы прорвемся навстречу
Весне.
Наши души навеки
Оставив
В белопенной седой стороне.

* * *

Мне дерзкая память
Коверкает сны.
И треплет вихры
Ветерок заполошный.
Что ж было такого
На фоне весны?
Всего понемножку,
Всего понемножку.
Светает. И гаснет
Ночной костерок.
О жаркое чудо
Печеной картошки.
Ее поцелуй
И степной говорок.
Всего понемножку,
Всего понемножку.
А счастья – щепоть.
А беду – пополам.
А водки – сто грамм,
Да и то на дорожку.
Любили друзей,
Доставалось врагам.
Всего понемножку,
Всего понемножку.
Мы были не очень
Хранимы судьбой.

Не все нам она
Забегала дорожки.
Но только закон
Мы придумали свой.
Всего понемножку,
Всего понемножку.
Чтоб кудри не прятались
В складках морщин.
Чтоб лишь голенище
Свисало гармошкой.
Мы помнили твердо –
У зрелых мужчин
Всего понемножку,
Всего понемножку.
Нам скоро с последней
Прощаться зарей,
Последний закат
Догорит за окошком.
И что с собой
Мы с тобой заберем?
Всего понемножку?
Всего понемножку?

* * *

Когда-то нас не трогали стихи.
Мы пахли ветром, тиной, солью, морем.
Мы упивались сочной дракой с кровью,
И знали гнев разбуженных стихий.
К мольбам и стонам были мы глухи,
И правило упрямство нашей волей.
Качала нас судьба в своем Подоле,
Прощая наши детские грехи.
Потом хлебнули мы вина наук,
В провинциальной сев библиотеке.
Мы рифмовали, гордо смежив веки,
«Кастеты, пирамиды и ацтеки».
Увы, но позабыли мы навеки
Податливую сочность женских губ.
Вот так слагался первый наш сонет.
А может быть, и первая баллада...
Не знали рифмы, ритма, строя, лада,
Но было все добротнo так и складно,
Такой дарило щедрою отрадой.
И к ней уже возврата нынче нет.

* * *

Природа все,
И человек – природа.
Он – дождь и снег,
Он – грязь и суховей.
Он – время суток,
Месяц, время года.
Стрелец он,
Скорпион и Водолей.
Так овощи приносят
С огорода,
Как он рождает
Собственных детей.
Он царь и червь,
Он – высота и низость.
Он – порожденье всех своих
Причуд.
А никакой природе
И не снилось,
Не грезились, не мнилось,
Не блажилось
Того, что люди, вдруг,
Изобретут.
И ей подсунут,
Оказав ей милость.

* * *

Ко мне приходит
Женщина одна –
Она мне не жена и не сестра.
И вешает на гвоздь
Свое пальто.
Я ей – никто
И мне она – никто.

Ко мне приходит
Женщина одна.
Она необычайно холодна.
Снимает туфли, платье и лицо.
На тумбочку кладет
Свое кольцо.
К ее ступням скользят
Последний шелк.
А подо мною пол
Пошел, пошел, пошел...
Как будто бы
Скрещенье ста дорог,
На нас ползет
Дощатый потолок.

И забытье,
И долгий жаркий стон.
Блаженный миг,
Короткий сладкий сон.

Затем спокойно
Женщина встает,
Привычно все свое
Она берет.
Вот с тумбочки взяла она кольцо.
Вот надевает платье и лицо.

Знакомый долгий
Поворот ключа.
Уж каблучки
На лестнице стучат.
За нею наблюдаю я в окно.
Я ей – никто.
И мне она – никто.

И снова дни.
Без радости они,
Негромкими заботами полны.
Вот так проходят лето и зима.
Затем грядет весна,
А с ней – она.
И снова каблучки ее стучат.
И снова робкий поворот ключа.
Несмелый взгляд,
А в нем – немой вопрос.
Дурман ее духов и папирос.
Но в жестах вновь
Читается легко:
Ты мне – никто.
И я тебе – никто.

* * *

Боец, суровый викинг, вождь.

Дрожал, как желтый лист на ветке.

Шептал,

Так шепчет юный дождь.

А утром пел, как птица в клетке.

* * *

Изящный флирт нам разжижает кровь,
Как чистый спирт, запущенный по венам.
И молодеет старая любовь,
И помнишь лишь о вечном и нетленном.
Изящный флирт нам возвращает вновь
Надежду на прекрасное мгновенье.
И вскинутая царственная бровь
Дарует нам чудесное спасенье –
От суеты, от мелочных утех,
От гнусного и подлого бахвальства.
Наш легкий грех, как робкий первый снег,
На плечи времени ложится и пространства.

* * *

Она сочиняет рассказ,
Как море волнуется – раз.
И волны, как девичья грудь,
Вздымаясь, мешают уснуть.
Она подбирает слова,
Как море волнуется – два.
И как накрывает прибой – с головой,
Когда он уходит к другой.
А море волнуется – три.
Фигура на месте замри.
Седая дрожит голова,
Но все не приходят слова.
Нехитрый вальсок:
«Раз, два, три...»
Безмолвие,
Черный гранит.
Да золотом жарким –
Слова.
Их ночью метель намела.

* * *

Жить больше незачем,
Но рано умирать.
Близки, близки
Предсказанные сроки.
Уже ветхозаветные пророки
Срывают с Книги
Пятую печать.
Молчать пора ли, или отвечать,
Или смывать с лица клеймо порока.
Но томный взгляд вакханки волоокой
Нам говорит, что надо посчитать,
А так ли точно выверены сроки.
О, женский взгляд, о, пятая печать —
Клеймо ветхозаветного пророка.

* * *

Я снова сплю не с той,
Кого люблю.
Я сплю с обычной женщиной,
Земною.
Она, по свету странствуя,
Со мною привычно делит
Стужу и жару.
Она мне – как звезда
В бескрайнем море,
Она мне –
Словно парус кораблю.
Но всякий раз,
При каждой нашей ссоре
Я повторяю:
«Вот какое горе!
Я снова сплю не с той,
Кого люблю!»

* * *

Загореться б желанием жить.
Немудренная, в общем, наука.
Будут дети,
А далее – внуки.
Можно будет опять повторить.
Можно даже податься служить,
Пусть за всем этим
Чванство и скука,
Кумовство, круговая порука.
Немудренная, в общем, наука.
Загореться б желанием жить.
Мне б негромкую песню сложить
Про вечерние вздохи бамбука,
Уловив зарождение звука,
Загореться б желанием жить.

* * *

Вы снова замужем и счастливы.
А я женат в который раз.
Я вам готов твердить участливо,
Что муж ваш – редкий ловелас.
Что все подвержено вращению,
Счастливых дней – наперечет,
А вашим дерзким прегрешениям
Давным-давно
Потерян счет.
И с каждым разом вам, прелестница,
Все тяжелей и тяжелей
Взбегать по бесконечной лестнице
К вершинам пламенных страстей.

* * *

Я отпуск свой страстно люблю
У тихой речушки Непрядва.
Здесь дети и женщина рядом,
И прялка бормочет в углу.
С утра – бутерброды и чай.
Щи, тефтели, каша к обеду.
А к вечеру – книги, беседы.
Живи, да не очень скучай.
Заводит рулады сверчок,
Вот кошка вчера окотилась.
Ну чем же, скажите на милость,
Не вечный, уютный шесток.
Но минет так день или два,
И ляжет на сердце тревога,
И дальняя станет дорога
Милее родного угла.
Скорее в застывший балок
К тушенке и грязным матрасам,
Туда, где полярная трасса
Замеряет твой потолок.
Туда, где на стыках трубы
Швы полнятся стынущей синью,
А ты прикипаешь к России,
Иной не приемля судьбы.
Все будет – наград круговерть,
Где к месту, а где и не к месту.

И славою будут греметь
Литавры парадных оркестров.
Но путь свой итожа крутой,
Как высшую примешь награду
Тот домик над тихой рекой,
Где дети и женщина рядом.
Где буйствует вечный сверчок,
И кошка вчера окотилась.
А счастье там в щель закатилось,
Как стертый седой пяточок.

Обычай

Забреду в соседний лес,
В снег присяду возле елки.
На зеленые иголки
Будет литься свет небес.
Сядет дятел постучать,
Упадет на плечи вечер.
Я на ель поставлю свечи,
Станем Новый год встречать.
О несбывшемся взгрустну,
Приложусь к заветной фляге.
И немного горькой влаги
Я на свой костер плесну.
Костерок на краткий миг
Вдруг взовьется да взъярится,
Я в огне увижу лица
Блиzkих, милых, дорогих.
Перед ними мне держать
Свой ответ, просить совета.
Как мне жить на свете этом
Вместе с ними мне решать.

Маскарад

Полуночная метель,
Озорная карусель.
Облетают с веток ели
Конфетти и карамель.
Падает лохматый снег,
И летит веселый смех.
Маски кружатся по кругу.
Эта маска – лучше всех.
Эта маска – черной масти.
Эта маска – дама трэф,
На пленительном запястье
Голубой привязан лев.
(Нет ни дома, ни детей,
Ни больших очередей).
Нет ни горя, ни забот –
Разудалый хоровод.
Утром выйдет сонный дворник
Прошлогодний снег сметет.

МАЛОЕ В БОЛЬШОМ, БОЛЬШОЕ В МАЛОМ

Очень давно один древний поэт сказал:
*«Ты обойден наградой – позабудь. Дни
вереницей мчатся – позабудь.»*

*Небрежен ветер – в Вечной Книге жиз-
ней мог и не той страницей шевельнуть».*

В этом рубаи наибольшее впечатление на меня произвела мысль о небрежности ветра. Ведь действительно – достаточно заменить одно слово, а зачастую даже одну букву, и все меняется. Известное выражение или стихотворная строка приобретают новый смысл. Вот такие перефразированные мысли я и предлагаю сегодня. Приношу извинения за ненормативную лексику, но слово, как и мат, из песни не выкинешь.

* * *

Наша реальность

Акционерное общество
закрытого типа строгого режима.

Антидедушка Крылов

Опохмелиться не успеешь,
Как зима катит в глаза.

* * *

Местное самоуправство.
Главарь местной администрации.

Дела житейские

Пора прекратить пилить
сук, на которых сидим.

* * *

Мужчина мыслит логически,
а женщина – гинекологически.

* * *

Так жить нельзя!
Отныне будем жить только за деньги.

Из мира музыки

С миру – по Шнитке.

О перестройке

Перестройка нас лишила самого главного –
статуса политического беженца.

* * *

Есть множество льгот и привилегий,
доставшихся нам от проклятого прошлого.

* * *

За что боролись – на то и живем.

Просто фраза

Взаимуупонимание...

На свадьбе

– Вы со стороны жениха или со стороны невесты?

– Нет, я просто со стороны.

Бывает

Свекровь из носу...

* * *

Со святыми – упакуй.

Из Грибоедова (почти)

Попьянствуешь, воротисься домой,
и дым Отечества и сладок, и приятен.

Из аппаратно-бюрократического

Ценности бывают непреходящие,
а также входящие и исходящие.

Из правил хорошего тона

– Кончайте!

– Что вы, только после Вас.

АнтиЦезарь

Лучше всю жизнь быть вторым
в галльской деревушке, чем только лишь
на одно мгновение стать первым в Риме.

АнтиПушкин

Я Вас люблю, но коль взбешусь...

Тогда ваш труд и стыд напрасны.

АнтиСолженицын

В круге первом – узком.

О себе

Пародировать самого себя
просто нескромно.

О власти

ВИЧ-инфицированные властью.

Из объявления

Отдамся в хорошие руки –
породистая сука.

О правде

Сегодня никого не интересует истина.
Все заняты поисками правды,
а правда у каждого своя.

Почти Лермонтов

У врат обители стоял святой,
просящий подаянье.

Просто стихи

Похолодало.
Стынет стих в стакане.

Дела партийные

– У вас билет какой партии?
– У меня – единый.

Они же

В политику – как во влагалище,
только чистыми руками.

АнтиСоломон

Все проходят, царь,
Пройдет и эта.

Из вечного

Относись к себе так,
как ты хочешь,
чтобы к тебе относились другие.

Оттуда же

Да и какое до всего этого дело мне –
странствующему Агасферу,
да еще с подорожной
по казенной надобности.

О выборах

Выборы – это легитимный заговор
с целью свержения существующей власти.

О власти

Власть – как поза в сексе
должна быть сменяема.

Про это

Шлюхи и слухи – главная движущая
сила избирательной кампании.

* * *

Любвимобильный.

О вечном

Тепло, светло –
звезда Полярная в зените.

Из славного прошлого

Дан приказ ему на запах.

Без названия

Здесь склад ума,
и я в нем – кладовщица.

* * *

Как Новый год, так новый Gott.

Из Валерия Акимова

Стакан столкнулся о стакан,
Жужжит назойливая муха,
А я сижу – пишу диктант,
Его мне шепчет Бог на ухо.

Из татарской кухни

Дорога лошадь к обеду.

Из депутатской практики

После первого чтения не закусывают.

Из бюрократического

Солдат резолюции.

Бытовое

Жена мужу:

– Я за тобой, как ниточка за иглолкой.

– Суровая нитка за цыганской иглолкой, –
отвечает муж.

Из А. Чехова

В человеке хоть что-нибудь
должно быть прекрасно:
если не душа, так хоть одежда,
если не тело, так хотя бы мысли.

Просто так...

С высоты птичьего помета...

Грехи отцов

Что есть грехи отцов? Это то, что зрелыми плодами падает на головы детей их.
Например – яблоко Ньютона.

Когда наступает старость?

Старость наступает тогда, когда молодая любовница не решает обратиться к тебе иначе, кроме как на «вы» и по имени-отчеству.

Массажистка

В массажистке было что-то от Девы Марии.
У нее были железные жесткие пальцы.

Гинеколог

По утрам от гинеколога разило непорочным зачатием.

Курортное

Что такое ездить на курорт со своей женой? Это ездить в Тулу со своим самоваром. А что значить ездить со взрослой дочерью? Это ездить с самоваром, и не со своим.

* * *

Любимого тела должно быть много.
Любимого брюха от уха до уха.

Чайки

Чайки напоминали сварливых серых старух, живущих на камнях и промысляющих рыбной ловлей.

То ли из Шекспира, то ли из Киплинга

Оттело промахнулся.

Из театрального

Первый блин – Ленкомом.

О нас

Русскоязычник.

О всеобщем равенстве

Что такое всеобщее равенство?

Это выражение, в котором каждый из его членов, в конечном итоге, непременно равен нулю.

О собаках

Чау-чау сан.

Разгрузочный день

С утра разгружал уголь. Похудел.

О журналистике

Вторая древнейшая и сегодня древнее всех древнейших.

Лозунг

Все «бабки» – в баксы.

О музе

Муза мужского рода?

Музык.

О славе

Слава – это вдова творца.

О стерве

Стерва – это брошенная муза.

О ней же

Дама стервей.

О себе

О, сколько безутешных вдов
Толпой пойдут за этим гробом.
Теперь я спать могу спокойно.
Я знаю, прожил жизнь не зря.
Коль среди множества достойных
Один лишь недостойный – я!

Село. Россия. Век XX

Пописать встанешь на заре,
Пардон, удобства во дворе.

* * *

Нервотряпка.

* * *

Экземинатор.

По Указу

Если день рождения выпадает
на выходной или праздничный день,
то два последующих дня
можно смело считать нерабочими.

Объявление в самолете

Просим не покидать кресел
до полной остановки ментов
и подачи трупов к самолету.

Из Пушкина (почти)

Иных уж нет, а тех не лечат.

О жизни

На нуворише и шапка горит.

Из священного писания

Уж если посылать верного друга
на смерть, то обязательно на верную.

О любви

Я пес у ваших ног,
Нет, шкура пса.

О вечном

Немудрено стать пророком в стране ассенизаторов.

Ты попробуй стать хотя бы ассенизатором в стране пророков.

* * *

Мы люди, и ничто человеческое нам не нужно.

ЖАРА В МОСКВЕ, ИЛИ ПИСЬМА К АННУШКЕ (поэма)

В Москве – жара!
В жару мозги кипят.
А в черепной коробке
Туго с маслом.
Коль масла нет,
То есть тогда опасность,
Что тормозные шланги
Погорят.

Бульварами иду,
Срывает тормоза.
Навстречу Вы,
И Ваше имя – Анна.
Та встреча –
Как июльская гроза.
Внезапна и мгновенна,
И желанна.

В Москве – жара.
Мы бродим целый день.
К себе влекут
Тенистые аллеи.
Мне врать и фантазировать не лень,
Ни страстности, ни красок
Не жалея.

О чем же врет
Заезжий сибиряк?
Врет, опустившись
На одно колено.
Возвышенно, светло,
Проникновенно.
Другой бы захотел,
Не сможет так.

О чем же врем?
О жизни, о судьбе.
О том, что на морозе
Водка – колом,
Ее мы разбавляем кока-колой.
Что кола не выводится в тайге.
Еще мы о рыбалке много врем.
Что ведрами – икра,
Пудами – рыба.
И что реке мы говорим «спасибо»,
И что медведя запросто мы бьем.
И нас не заподозришь никогда
Ни в подлости,
Ни в мелочном расчете.
Мы заверяем –
Честь у нас в почете,
А горе, право слово,
Не беда.
И бедность-то уж точно
Не порок.

Сам прочитал,
Иль кто сказал про это.
Еще мы говорим:
«В Сибири лето
Порой приходит
Только на денек».
А в отпуске
Все мысли об одном:
Скорей бы нам
На Север свой вернуться.
Уж там-то точно
Есть где развернуться,
И зимним днем поставить
Все «верх дном».
Вот так я пел,
Смиренно ты внимала,
В Москве-реке
Уж догорал закат.
«Здесь я живу, —
Негромко ты сказала, —
Пора домой, а Вам пора назад».

Ах, Аннушка,
Мелькает образ Ваш.
Его московский поглощает
Дворик.
А этот дворик
Подметаёт дворник,
Метлой своей
Меня весь пейзаж.

Вот взмах метлы,
И ваших нет следов.
О, как же грациозно
Вы ступали.
Наверно, так когда-то
Пропадали
Во времени обломки
Городов.
Что города?
Под этою метлой
Бесславно исчезали
Горы, страны.
А Вам, наверно,
Это слышать странно.
Вы просто возвращаетесь
Домой.

Ах, Аннушка,
Меняется пейзаж.
Уже ваш двор –
Большой бетонный кокон.
Одних подъездов
Штук, наверно, шесть.
А черных лестниц,
Пыльных, тусклых окон?
Всех не запомнить,
Всех не перечесть.

Веревки, грязно-серое белье.
Базар недалеко,
Там спят бродяги.
И мощный запах
Стойкой хлебной браги
Вобрал в себя
Житье и бытие.

Здесь все определяет
Битие.
Муж бьет жену.
Мальчишки бьют друг друга.
Жизнь движется
По замкнутому кругу.
Торговок щиплет
Местное ворье.
Тут места нет
Ни чувству, ни уму.
Их пожирает двор –
Бетонный кокон –
Глазницами больших
И темных окон.
Сулит он нищету,
Беду, тюрьму.

Всех прелестей, боюсь,
Не перечешь.
От чердака до мрачного
Подвала.

Жизнь бьет ключом.
Всегда здесь
Солнца мало.
Но все здесь жаждет
Пить, плодиться, есть.

*(Прощальная записка, оставленная
во дворе)*

Устал, спешу...
Объятия столиц,
Железные и жаркие объятия
Нас побуждают
К перемене платья
И к полной смене
Мыслей, чувств и лиц.
Всегда здесь нужно
Как бы всюду быть.
Все как бы знать,
Со всеми как бы знаться.
Смешить и мельтешить.
Хотеть, стараться.
Крутиться
И пытаться угодить.
Стараться угодить
И угодить
В беззвучное беспамятство.
Вот радость!
Но нет, уж лучше
Пьянство или праздность,

Чем по струне
Натянутой ходить.
Как попугай,
На жердочке висеть
И повторять знакомые фонемы.
И в страхе жить:
Не выпасть бы из темы.
Пытаться все успеть
И всех воспеть.

В подобострастье
Радостном потеть.
Ловить нелепый и капризный
Случай.
И глупости
С немым восторгом слушать.
В конце концов
Навеки онеметь...

(Записка, посланная с вокзала)

Ах, Аннушка,
Целую ручки Вам.
Бегу, бегу...
Мне опостылел Запад.
Его щемящий, сладковатый
Запах
Преследует буквально
По пятам.

И городов его
Большой бедлам
Несет в себе
Бессмыслицу и скуку.
По горло сыт,
Спасибо за науку.

«Ах, Аннушка,
Целую ручки Вам».
Прелестница, увы,
Бегу, бегу
В холодные объятия Востока.
Туда, где без надрыва
И восторга
Царица Обь
Несет свою волну.
Я в той глуши надолго
Пропаду.
И ночью долгой
Мне опять приснится
Столица,
Но не просто так,
А в лицах.
И среди них
Узнаю ту, одну.
Ту, от которой я
Бегу, бегу.

Письма к Аннушке

(Первое письмо)

Лисьи да барсучьи норы.
Зверь отважный бурундук.
Затихают птичьи ссоры,
Засыпает все вокруг.
Лес с опушкой
Да избушкой.
В той избе
Ни встать, ни сесть.
Печка есть,
Да миска с кружкой.
Соль в тряпице
Тоже есть.
Замочили грузди
В бочках.
Дичь коптится –
Отдыхай!
Только рано ставить
Точку.
Есть еще вечерний
Чай.
В уголке двустволка
Дремлет.
За порогом сохнет сеть.
Славное подходит время:

Скоро чайнику
Свистеть.
Черен чай, густой и терпкий.
С ног сбивает, гасит спесь.
Есть в нем дух сибирский,
Крепкий,
И дегтярный привкус есть.
Что осталось от обеда –
Все на печь, затем на стол.
Начинается беседа,
Разговор гулять пошел.
Он плывет легко,
Беспечно.
Словно речка – не спеша.
И в беседе той сердечной
Раскрывается душа.
Очерстневшая, седая,
В шрамах от сердечных слез
Расцветает, оживает
Под негромкий шум берез.
До глубокой ночи длится
Задушевный диалог.
О медведицах, тигрицах,
Кабанах, перепелицах...
Славный глухариный ток.
Вроде все уже поведал,
Что-то хочешь услышать.
Под душевную беседу

Очень сладко засыпать.
За ночь выстыла избенка.
В головах улегся кот.
Новый день, как смех ребенка,
Над седой тайгой плывет.

(Письмо второе)

Сыро, слякотно в столицах
Под державной дланью звезд.
А в Сибири снег струится,
И за окнами мороз.
Иней высветил березы,
Дальние стога белы.
Языком отменной прозы
Пишется судьба зимы.
Бег неровный длинных строчек,
Слог, как долгий санный путь.
Многозначность многоточий,
Вечность медленных минут.
И на краткое мгновенье
Сквозь окна кисейный флёр
Ты – как дивное мгновенье,
Откровенье высших сфер.
Мне к тебе сквозь мглу ночную
Дотянуться нет уж сил,
Вот такую, неземную
Повстречал и полюбил.

Был и дерзким, и отважным,
Как грехи минувших лет.
Поцелуй – соленый, влажный,
Уносимый ветром след.
В дальней слякотной столице
В карнавале снов и грез
Повстречал тебя, царица,
Хоть украл, да не унес.
Миг волшебный и случайный,
Призрак всех былых побед.
А потом –
Рассвет печальный
Да отчаянный побег.
Не живется вольным птицам
В душной суете столиц,
Где вокруг тебя клубится
Хоровод протертых лиц.
Славно пишется и спится
В стороне лесной, глухой
И начальства не боишься,
И не маешься душой.

(Письмо третье)

Был отдан год
На промысел любви.
Весна была полна
Страстносмятенья.

И было все:
Терпенье и томленье,
Нелепое волнение
В крови.
Был отдан год
Чарующим ночам,
Когда струился свет
Прохладой томной.
И что-то там
Нашептывали волны
Твоим ногам,
Моим босым ногам.
Был отдан год,
И лютовал январь,
Февраль грозил
Бесчестьем, разлукой.
Март наполнялся
Новым свежим звуком.
Апрель твердил, что
Будет все как встарь.
Май к нам пришел,
Сомнением гоним.
Июнь дарил
Спокойную прохладу.
И нам казалось, будто
Так и надо.
Июль был обходителен и мил.

А дальше год, что
Отдан был любви,
Пыхтя перевалил за середину.
И гроздя тучные
Красавицы рябины
Нам говорили:
Нужно ждать зимы.
Она вот-вот
Пожалует, придет.
Она придет, а год, увы,
Минует.
Минует год
Прощальным поцелуем.
Бог-весть когда придет,
Когда опять придет.

Эпилог

В ту ночь мы, не смыкая глаз,
Курили, спорили, ругались.
Мы пили крепкий чай,
И нас
Псы мохноногие боялись.
Они, прищуривая глаз,
С ворчанием
Глухим и злобным
В упор рассматривали нас,
Горел костер среди сугробов.

Мы вспоминали, как вчера
Надсадно взвыли трактора,
Как, приподнявшись над землей,
Плыла подрагивая вышка,
А наш прораб – на вид мальчишка,
Ордой командовал стальной.
С утра он жадно, из ведра,
Пил долго воду ледяную,
Копну волос его седую
Терзали дерзкие ветра.

Затем прошла команда «Стоп»!
Троса как нервы натянулись,
Носами трактора уткнулись
В гигантский ледяной сугроб.
Сбывалось все, о чем вчера
Мы даже думать вслух боялись,
Над чем отчаянно смеялись
Псы у вечернего костра.
Но показался наш КамАЗ,
Путь, освещая ближним светом.
И стало ясно, что к рассвету
В поселок он доставит нас.
В башке была белиберда,
Мы были без хмельного пьяны.
А на рассвете – телеграмма.
И текст, как выстрел от бедра:
«Встречай! Я приезжаю!
Анна!»

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМА

Простая история.....	5
----------------------	---

СТИХИ И МИНИАТЮРЫ

«Вдруг меня поманили...».....	23
Таежная баллада.....	25
Босая баллада.....	26
«Птица ль с криком легла на крыло...».....	27
Ваше сиятельство... ..	28
(Н. Р.).....	30
Ветер сшил.....	31
Любить тебя... ..	32
Любой предмет достоин глубины.....	33
Театр.....	34
Дворник.....	36
Творчество.....	37
Ночная тревога.....	39
Конец сезона.....	40
Березы в снегу.....	41
Песня.....	42
Безветренно, морозно, тишина.....	43
Люди любят ночами... ..	44

«СТРАНА ИРОНИЯ»

Мы... ..	45
Идиллия.....	47

Страна.....	48
Явка с повинной.....	49
«Эта бойкая девчонка...».....	50
Бабье лето.....	51
Я хотел бы тебя лепить... ..	52
«Ребятам из Моссада...».....	54
Подражание Григорию Остеру.....	56
«В белопенной седой стороне...».....	57
«Мне дерзкая память...».....	59
«Когда-то нас не трогали стихи...».....	61
«Природа все...».....	62
«Ко мне приходит...».....	63
«Боец, суровый викинг, вождь...».....	65
«Изящный флирт нам разжижает кровь...».....	66
«Она сочиняет рассказ...».....	67
«Жить больше незачем...».....	68
«Я снова сплю не с той...».....	69
«Загореться б желанием жить...».....	70
«Вы снова замужем и счастливы...».....	71
«Я отпуск свой страстно люблю...».....	72
Обычай.....	74
Маскарад.....	75

МАЛОЕ В БОЛЬШОМ, БОЛЬШОЕ В МАЛОМ.....	76
--	----

ПОЭМА

Жара в Москве, или Письма к Аннушке.....	89
--	----

Игорь Северский

ФРЕСКИ

Стихи и миниатюры

Выпускающий редактор Т.Ю. Усманова
Технический редактор Е.Н. Шпатух
Операторы верстки: А.В. Павлов, Э.О. Красильникова
Корректор Н.В. Захарова
Дизайн обложки О.В. Хайбулина

Оригинал-макет, верстка, цветоделение обложки
и печать выполнены ГП «Полиграфист».

Изд. лиц. ЛР № 040869 от 14.01.98 г.
Подписано в печать 08.04.2004 г. Формат 80x100/32.
Бумага высокохудожественная. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Печать офсетная. Усл. п. л. 3,08. Тираж 200 экз. Заказ № 5967.

ГП «Полиграфист».

**Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области,
628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел. 3-29-84.**

E-mail: polygraf@wsmail.ru

6233 12005

Библиотека Югры

Игорь Северский

ФРЕСКИ